

УДК 159.92

Лох К. В.

старший преподаватель кафедры психологии
Института последипломного образования
Университета менеджмента образования (г. Донецк)

ГРАНИЦЫ И СТЕНЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

Рассматриваются социально-психологические процессы в современной украинской психологической науке и практике с позиций коммуникативной психологии. Статья является примером этого методологического подхода. Делается вывод о причинах кризиса и предлагаются пути его преодоления.

Ключевые слова: границы, стены, мосты, способы прерывания контакта, интеграция.

Понятие границы широко используется в психотерапии, особенно в гештальт-терапии, где оно является одной из центральных категорий. Представляется, что оно приложимо и к науке. В статье делается попытка описать типичные для науки социально-психологические феномены, а также рассмотреть их на примере конкретной организации, занимающейся подготовкой психотерапевтов.

В рамках гештальт-терапии существует целое направление — организационное консультирование, в котором категории и концепции, зародившиеся в психотерапии, сформулированные впервые Фрицем Перлзом и развиваемые его последователями, используются для анализа феноменов в организациях. На мой взгляд, объект исследования можно расширить до феномена психологической науки и практики. Это тем более актуально, что основные признаки того кризиса, о котором писал еще Л. С. Выготский, налицо и сегодня, и они знакомы большинству читателей этого сборника. Именно поэтому я надеюсь, что статья вызовет интерес и обсуждение.

Коротко сформулирую теоретические позиции, с которых стану вести анализ. Под границей подразумевается «граница контакта» — то, что разделяет двух взаимодействующих субъектов. При этом граница контакта является подвижной и проницаемой, через нее происходит достаточно свободный взаимообогащающий обмен. Если этот обмен нарушен, то взаимодействие не считается контактом. Другими словами, контакт — это когда я замечаю себя, замечаю другого человека и замечаю границу между нами, четко понимая, где я, а где он. Жаргонный для гештальт-терапевтов термин «замечать» («видеть», «слышать») мы будем использовать и дальше, поэтому сразу уточним его. «Замечать» означает учитывать поведение другого человека, отражать его (в любой форме) при выборе своего поведения. Если, например, клиент видит вместо терапевта своего отца и ведет себя

соответственно, он «не замечает» терапевта и у него нет реальной возможности получить что-то полезное от него. Возможность взаимообмена появляется только после того, как клиент проведет границу между своим отцом и терапевтом. А иногда с этим проблемы у самого терапевта. Но адаптация, наилучшей формой которой считается творческое приспособление, — такое удовлетворение потребностей, при котором субъект развивается, происходит только на границе контакта или не происходит *вовсе*.

Граница является живым и проницаемым образованием, в ходе развития она постепенно раздвигается. В качестве примера можно привести границу между внутренним и внешним в описанном Л. С. Выготским процессе интериоризации: внешнее, интериоризируясь, становится внутренним. Мертвую, непроницаемую и неподвижную границу я далее буду называть «стеной». Примеры — «Этого не может быть, потому что не может быть *никогда*», «Я *никогда* не буду счастлив», «Я *всегда* буду любить тебя» и т. п. Именно абсолютные слова вроде «всегда», «никогда», «все», «никто» и т. д. являются удобными маркерами стен в речевых высказываниях. Для естественнонаучно ориентированных читателей, возможно, понятнее будет такая метафора: живая кожа — это граница, через нее происходит водный и газообмен; обожженная до третьей степени кожа становится стеной, не пропускающей ничего. Как известно, если такие ожоги превышают 30 % общей поверхности кожи, человек погибает.

Я так подробно и максимально четко даю определение рабочим терминам этой статьи еще и в качестве примера проведения границ — в данном случае границ объема понятий «граница», «стена», «замечать». Далее буду пользоваться ими без кавычек. И поступим так же с предметом рассмотрения данной статьи. Феноменом «границы и стены» буду называть превращения границ в стены в области психологической теории и практики, и попробую описать его механизмы в определенных выше терминах. Местоимение «Я» вместо принятого в науке размытого и безличного «мы» тоже используется намеренно — как более четкое обозначение границы моего собственного мнения.

В качестве аппарата описания воспользуемся понятием способов прерывания контакта из гештальт-терапии: конфлюэнция, дефлексия, ретрофлексия, интроецирование, проецирование, эготизм. Они примерно соответствуют психологическим защитам в психоанализе, просто описываются в других категориях. Объем статьи не позволяет описать приложение всех их к кризису в психологии, поэтому выделим наиболее, с моей точки зрения, типичные.

Конфлюэнция, или слияние — это отсутствие границы *вовсе* [3]. Традиция употребления в научных текстах местоимения «мы» вместо «Я» как раз отражает этот способ прерывания контакта. Конечно, сие не означает обязательно отказ автора от собственной позиции, но пример весьма характерен, если согласиться с идеей о том, что язык не только отражает, но организует сознание. Очень часто в научных текстах вместо четкого определения можно встретить туманные выражения «как известно», «очевидно», «общеизвестно». Конечно, это традиция. Но с семантической

точки зрения, в этом случае субъект просто исчезает. А с ним исчезает и возможность развития. Я постарался выделить подобные обороты в этой статье *курсивом*, в качестве иллюстрации того, что без них не обойтись, даже критикуя. С точки зрения экзистенциальной это переключивание ответственности.

Несколько более зрелая защита — **интроекция**, когда процесс развития ограничивается или даже блокируется интроектами — неассимилированными частями чужого опыта [3]. Частный случай интроектов — так называемые иррациональные, малоосознаваемые верования (*irrational beliefs*). Например, «я обязательно должен соответствовать идеалу». Они в значительной степени определяют жизнь человека именно потому, что слабо отражены в сознании, следовательно, неконтролируемы. В научных текстах интроекты могут отражаться в формальных, на первый взгляд, оборотах вроде «с точки зрения психологии», а ведь, *как известно*, нет никакой универсальной точки зрения психологии! Но об этом как раз не задумываются, и не управляют. При большой интроецированности стоит говорить скорее о том, что «автор» интроекта управляет его носителем, зная того не зная. В. С. Высоцкий называл такое «чужой колеей».

Ретрофлексия представляет собой расщепленность личности, в результате которой человек делает себе то, что хотелось бы сделать другому или получить от него. Этот защитный механизм ведет к изоляции, компенсируясь иллюзией самодостаточности, заменяющей человеку контакт с окружающей средой [3]. В науке это, на мой взгляд, проявляется в иллюзорной самодостаточности теорий и их адептов. В большинстве научных публикаций феномены анализируются с одной точки зрения, а их целью является еще одно утверждение правоты этой точки зрения.

В этом смысле практика является хорошим «противоядием», реальные клиенты *никогда* не подходят под какую-то одну модель. Конечно, терапевт может загнать в нее клиента, но при честной работе приходится интегрировать ряд подходов, создавая то, что К. Г. Юнг назвал «для каждого пациента — свой особый язык» [8, с. 330]. Там система с обратной связью, и клиент так или иначе дает понять о неадекватности модели. Ученый-исследователь же имеет дело с фиксированным набором фактов, и ему легче впасть в ретрофлексию, блокирующую возможность развития. Особенно если он личностно предрасположен к этому способу прерывания контакта. В практике чаще встречается другая противоположность — эклектика, когда много разных теоретических принципов довольно хаотично применяются без должного осмысления (интеграции). Иными словами, граница между ними «мертвая», и это тоже ретрофлексия.

К счастью, постепенно появляется все больше «интегрирующих» публикаций. Например, журнал «Психологія і суспільство», издаваемый в Тернополе А. В. Фурманом, регулярно печатает материалы представителей разных школ, есть даже тематические подборки. Проблемы методологии занимают все большее место в этом и других украинских журналах, а сам А. В. Фурман является автором термина «методологування» и развивает соответствующее направление [7].

Рассматривая соотношение теории и практики, нельзя не вспомнить о Л. С. Выготском и его анализе кризиса в психологии [1]. В ней он, на мой взгляд, как раз пишет о стенах между наукой и практикой, материализмом и идеализмом, а здоровое развитие видит в расширении границ и увеличении степени целостности. *Общепризнанно*, что Лев Семенович уважал гештальтпсихологию, один из источников гештальт-терапии.

Например, граница психики, по Выготскому, это та же гештальтская граница, обеспечивающая взаимодействие со средой **целостного** организма. Расширение отражения — раздвижение границ: то, что не было психикой (отраженным), ею становится. Само наличие границы предполагает взаимодействие. Иначе — глухая дуалистская стена. Причем направление развития он видит во все более высоком уровне гармонии, поэтому в области методологии подчеркивает важность генетического анализа. С точки зрения структуры «освоение», интериоризация внешнего заключается в интеграции внутреннего отражения на все более высоком уровне. Уровень связи явлений во «внешнем мире» бесконечно сложен, поэтому под «освоением» удобнее понимать отражение этой бесконечной сложности в достаточной мере.

Понятие, очень близкое к конструкту «граница», использует В. А. Мазиллов — мост (конкретизация понятия «граница»), перекинутый НАД Стеной (значение очень близко к одноименному моему термину). В его определении, мост — это «искусственное соединение несоединимого». Кроме слова «искусственный», отражающего лишь более узкий объем понятия, очень похоже на данное здесь определение границы. Очень интересно его описание моста как пространства коммуникации и определение методологии как «искусства выстраивания мостов». Как практик, очень согласен — именно методология дает структуру для интеграции различных подходов. Путь преодоления кризиса В. А. Мазиллов видит в создании новой методологии, в которой выделяет три составляющие. Первая — познавательная, призвана формировать структуру научного познания. Практическая должна создавать мосты между теорией и практикой. Коммуникативная «призвана помочь нахождению взаимопонимания как внутри научной психологии, так и в психологии в целом» [4, с. 40].

Позволю себе дофантазировать структуру коммуникативной психологии. Мне представляется, что это, в политической метафоре, скорее федерация, чем империя. Имперское единообразие требует слишком много неконструктивных затрат энергии. Федерация же создает оптимальные условия для здоровых границ: все «штаты» равны, несмотря на разнообразие законов в них, свободны, и лишь минимально необходимая часть функционирования регулируется на федеральном уровне. Примерно так обстоит дело в современной трансперсональной психологии, а началась она с выстроенных К. Г. Юнгом мостов между психологией, культурологией, философией, религией и, главное — психотерапевтической практикой. Не будем забывать, что Юнг вел прием пациентов до конца своей жизни.

Мне очень близки идеи В. А. Мазилова и его «пойетический», то есть ориентированный скорее на целостность, чем на наукообразность, стиль.

Данная статья, как мне кажется, ближе к нему, чем к стилю классическому академическому. Поэтому особенно хочется дополнить его блестящий анализ рассмотрением «имперского» процесса на примере конкретной организации, в которой я провел восемь лет и с которой продолжаю взаимодействовать, чтобы не настроить стен вокруг себя.

Современный Московский Гештальт-институт, крупнейшая образовательной психотерапевтической организация, может быть ярким примером превращения федерации в империю. Я могу компетентно говорить лишь о его Украинском филиале (30 % всего МГИ), его столица как раз в Одессе. В России, насколько я знаю, развитие гештальт-движения пошло по пути создания бывшими пионерами этого дела множества своих институтов. Похоже при этом, что они остаются единомышленниками и уважают различия друг друга, хотя и не слишком активно сотрудничают.

В Украине же МГИ является чуть ли не монополистом, благодаря своему членству в Европейской ассоциации гештальт-терапии и праву выдавать сертификаты с логотипом EAGT. Народ любит солидные бумажки. И, к сожалению, не слишком любит ответственности и самостоятельности. Такова жизнь, и в ней поп-музыка будет *всегда* популярнее рока. Я отдаю себе отчет в собственной субъективности и личной обиде как отвергнутого (трижды не сертифицированного) МГИ. И причины здесь, конечно, не только «имперские». Однако те, кто внутри этой системы, не опубликуют такую статью. Пирамида худо-бедно обеспечивает их клиентами с нижних этажей (тем необходимы для сертификации 100–120 часов личной терапии обязательно у сертифицированных МГИ терапевтов), «дикие», не обучающиеся в программе, клиенты составляют меньшую часть. Обычно гуру (ведущие тренеры), пользуясь авторитетом, админресурсом или родительским переносом, направляют их терапевтам, которым симпатизируют, то есть в ком не видят будущего конкурента, и кто собирает для них группы. Кроме того, таким дается надежда на статусный и финансовый рост: тренер-стажер — ассоциированный тренер — ведущий тренер МГИ. Для реализации этой надежды следует четыре года проучиться на третьей ступени (в 2008 году это стоило 1430 евро за 13 сессий в течение четырех лет, сейчас дороже). На высшем уровне, впрочем, чрезвычайно редко появляются новые лица.

Перманентное недовольство нижних уровней гасится сверху, обычно интроецированием («Ты недоволен — у тебя снижена функция Personality, подростковый бунт. Ты недостаточно проработан, лечись дальше, а вылечишься — поговорим»), этого пока хватает. По отношению к гуру всю работу выполняет родительский перенос. По отношению к бунтарям, пытающимся раздвинуть границы канона в своей терапевтической работе — подавление или игнорирование. Чтобы остальным не повадно было бунтовать. Самое интересное, что непосредственное подавление бунтарей осуществляют чаще не гуру, а соученики, через механизмы группового давления. Стены возникают между подгруппами.

В своей среде гештальт-гуру натянута и с большим напряжением улыбаются друг другу независимо от реального отношения — они зарабатывают, приглашая друг друга в свои города и на организовываемые ими

интенсивы. Варяг обычно оплачивается обучающимися дороже, чем свой гуру. Кстати, объективно им действительно полезно видеть работу разных обучающих тренеров.

В обучении технологический аспект («Техник нам побольше, техник! — Пожалуйста!») намного опережает методологический, на который спроса снизу почти нет. Вышеописанные тенденции проявляются также в возрастании шаблонизации, сакральности «правильной гештальт-терапии» и ее носителей-гуру. Именно это позволяет мне предположить о превращении МГИ в церковь.

Интересно, что вопросы методологии активно разрабатываются гуру МГИ: печатаются соответствующие работы, создаются методологические специализации — в частности, Д. Хломовым и Е. Калитиевской. Но, по моим наблюдениям, их очень стоящие идеи «взянут» на уровне студентов первых лет обучения, выходят за зону их ближайшего развития. В большинстве виденных мною их терапевтических работ используются элементарные схемы пятидесятилетней давности. Фактически работает негласный лозунг: «Правила (безопасность терапевта) святы, и они важнее клиента». Или, по выражению В. А. Мазилова, достаточно сложные концепции обрабатываются «бритвой Оккама», то есть редуцируются до простейшего [4, с. 61]. Эзотерика вверху и экзотерика внизу? Еще одна стена?

На данное время имеет место экстенсивное развитие. Например, в Одессе, с которой гештальт-движение в Украине началось, на данное время наблюдается перепроизводство сертифицированных терапевтов. Среди них высокая конкуренция, клиентов снизу не хватает. Приходится увеличивать обязательное количество часов личной терапии для получения сертификата и всячески обеспечивать возрастающий приток обучающихся. Впрочем, это всем знакомо по финансовым пирамидам.

Описываемые здесь процессы были очень слабо проявлены еще пять лет назад. Очевидно, за это время количественный его рост достиг критического уровня, после которого неизбежно вступает в действие первый закон Паркинсона [5]. По моей оценке, при сохранении нынешней тенденции революционная ситуация сложится через несколько лет, либо МГИ окончательно превратится в церковь, как сайентология.

Относительно базовых механизмов описанного процесса, на мой взгляд, больше всего подходит концепция «бегства от свободы» Эриха Фромма [6]. Большая часть обучающихся желает, в известной метафоре Гурджиева, более комфортно спать. И МГИ это предлагает — через шаблонизацию терапии и весьма привлекательное для масс демонстративное игнорирование ее духовного аспекта. Желаящие же проснуться и взять на себя ответственность закономерно оказываются за его бортом.

Таким образом, системными тенденциями являются плавное развитие коммуникативности в научной сфере и ее сокращение в рассмотренной психотерапевтической организации, которую я считаю ее вполне репрезентативной для украинского рынка психологических услуг в силу ее масштаба и закономерности развития. И не считаю возможным что-либо изменить в МГИ, потому что это закономерный этап развития любой увеличивающей-

ся организации. В России это сейчас происходит на уровне государства, и тоже большинство населения довольно и благодарно. Так было в Советском Союзе. В контексте же данной статьи это можно описать как процесс превращения границ в стены — между уровнями пирамиды (это уже перекрытия), между правильным большинством и неправильным меньшинством, между «нашими» и «не нашими». Напряжение с обеих сторон стен растет, и эта энергия идет на строительство еще более высоких стен, через которые все труднее перебрасывать мосты.

Остается надеяться, что внимание к подобным процессам поможет кому-то из коллег уменьшить их влияние на собственное творческое развитие.

Итак, стены неизбежны, потому что они выражают тенденцию стабильности, необходимую для любой системы. Однако стоит также стремиться к тому, чтобы соблюдался динамический баланс стабильности и противоположной ей тенденции к изменчивости, вместе с которой они представляют диалектическое единство [2]. Но при этом «омертвление», превращение границ в стены происходит само собой, а оживление, оно же «построение мостов», требует специальных усилий. В этой статье я попытался сделать их в способе изложения. Максимально четко обозначалась собственная позиция и проводились границы понятий, но при этом они, надеюсь, оставались проницаемыми. Понятие границы контакта было сначала сформулировано в терминах гештальт-терапии, затем ассимилировано в видение кризиса психологии Л. С. Выготским и соотнесено с концепциями В. А. Мазилова и ряда других ученых. Закончить хочется еще одной его идеей — о том, что психология сейчас — самая «надеждоёмкая» отрасль знания [4]. Ответ на вопрос «Кто виноват?» найти гораздо легче, чем на вопрос «Что делать?». Но в данном случае есть, по крайней мере, один его вариант — продолжать развивать коммуникативную методологию не только в публикациях, но и в практике. И я надеюсь, что эта статья окажется полезным «коммуникативным кирпичиком», и что те, у кого она вызвала интерес, напишут мне по адресу klokh@rambler.ru.

Список литературы

1. Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Л. С. Выготский. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. — М.: Педагогика, 1982. — С. 386–389.
2. Ганзен В. А. Системные описания в психологии / В. А. Ганзен. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. — 176 с.
3. Йонтеф Г. Гештальт-терапия: введение / Гэри Йонтеф. — М.: Московский гештальт-институт, 2002. — 59 с.
4. Мазилев В. А. Стены и мосты: Методология психологической науки: Монография. / В. А. Мазилев. — Ярославль: МАПН, 2004. — 243 с.
5. Паркинсон С. Н. Законы Паркинсона / Сирил Норкотт Паркинсон. — М.: Наука, 1991. — 336 с.
6. Фромм Э. Искусство любить / Эрих Фромм; Пер. с англ.; Под ред. Д. А. Леонтьева. — 2-е изд. — СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2008 — 224 с.
7. Фурман А. В. Катеріогенез як напрям професійного методологування // Психологія і суспільство. — 2008. — № 2. — С. 53–58.
8. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное / К. Г. Юнг. — СПб.: Университетская книга, 1997. — 544 с.

Лох К. В.

старший викладач кафедри психології
Інституту післядипломної освіти
Університету менеджменту освіти (м. Донецьк)

КОРДОНИ І СТІНИ У ПСИХОЛОГІЧНІЙ НАУЦІ І ПРАКТИЦІ

Резюме

Розглядаються соціально-психологічні процеси в сучасній українській психологічній науці та практиці з позицій комунікативної психології. Стаття є прикладом цього методологічного підходу. Робиться висновок щодо причин кризи в психології та пропонуються шляхи її подолання.

Ключові слова: стіни, мости, способи переривання контакту, інтеграція.

Lokh K. V.

Senior Lecturer, Department of Psychology
Institute of Postgraduate Education
University Education Management (Donetsk)

BORDERS AND WALLS IN PSYCHOLOGICAL SCIENCE AND PRACTICE

Summary

Socially-psychological processes are examined in modern Ukrainian psychological science and practice from positions of communicative psychology. The article is the example of this methodological approach. Drawn a conclusion about reasons of crisis and the ways of his overcoming are offered.

Key words: scopes, walls, bridges, methods of breaking of contact, integration.